Несколько по-иному ставит вопрос Л. Н. Майков. По-видимому, он допускал существование двух летописных Добрыней, каждый из которых отразился в эпосе. Добрыня Рязанич, упоминаемый в летописях в связи с событиями XIII в., «соответствует Добрыне из былины Кирши Данилова... где он является сыном богатого гостя рязанского Никиты».[39]

В том же духе примерно высказывался О. Ф. Миллер.[40] М. Е. Халанский считает, что в былинном Добрыне Никитиче соединены два образа: киевского Добрыни и какого-то севернорусского, местного, рязанского богатыря, может быть Тимони. «Произошла взаимная ассимиляция эпических сказаний: рязанский храбор привлекся к Владимиру и породнился с ним; киевский сподвижник Владимира получил местную, рязанскую окраску».[41]

Развивая эти соображения Халанского, В. Ф. Миллер высказывает предположение, что «в Рязанских местах ходило предание о каком-нибудь местном герое Тимоне (т. е., вероятно, Тимофее), чем-нибудь отличившемся в военной истории этого края, может быть в стычках с татарами... Этого героя могли сравнивать со старым Добрыней, может быть прозвали его Добрыней, и таким путем народный психико-былинный Добрыня был прикреплен к Рязани... Но это происхождение относится уже к Московскому периоду, когда в эпический оборот вошло имя популярного боярина Никиты Романова, царского шурина».[42]

В другом месте В. Ф. Миллер пишет, что Добрыня «прочно пристал к рязанским сказаниям уже очень давно». Он приводит сообщение Олеария, который видел неподалеку от Рязани на Оке «Добрынин остров». «Можно предполагать, что остров получил свое имя в связи с какими-нибудь сказаниями о рязанском богатыре, носившем это имя».[43]

Для объяснения прозвища «Золотой Пояс» представляет интерес сведение о «золотых поясах», приводимое А. И. Никитским: «...знатнейшие русские купцы в немецких известиях являются под названием „золотых поясов“».[44]

Встает вопрос — не отразилось ли в прозвище Добрыни Рязанича воспоминание о его происхождении, сохраненное в былинах, где Добрыня — сын богатого рязанского гостя.

Факты говорят о том, что уже по крайней мере в XIII в. Рязань воспевалась в былинах как эпический город, место рождения и подвигов одного из самых популярных русских богатырей. Добрыня Рязанич, Евпатий Коловрат, Авдотья Рязаночка, князья-патриоты Федор, Олег и, может быть, некоторые другие были теми героями — частью историческими, частью вымышленными, — которых прославили местные рязанские песни и предания. Идейно-художественное содержание этих песен и преданий выходило далеко за пределы местных интересов, в них отразились процессы, характерные в целом для русского народного творчества эпохи борьбы Руси с иноземным нашествием.

---

[39] Л. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 25, примечание.

[40] О. Ф. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 416—417.

[41] М. Е. Халанский, стр. 42.

[42] В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. Былины и исторические песни. М.—Л., 1924, стр. 78—79.

[43] Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности, [т. 1], стр. 95—96.

[44] Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 26, примечание.